

КОРОТКО О КНИГАХ

ЯН ГОЛЬЦМАН. Кочевье. Стихотворения. М. «Советский писатель». 1988. 176 стр.

Недавно с радостью прочла у Корнея Чуковского: «Я люблю конструировать личность поэта по еле уловимым чертам его стиля, по его инстинктивным пристрастиям, часто незаметным ему самому, по его бессознательным тяготениям к тем или иным эпитетам, образам, темам. Мне кажется, что только в бессознательных навыках творчества сказывается подлинная личность поэта».

У Яна Гольцмана таким инстинктивным пристрастием в первую очередь будет, конечно, постоянная фиксация птичьего многоголосья — причем чрезвычайно нюансированная как в музыкальном, так и в психологическом плане. Тут «трубят косачи» и «тетерева бормочут», тут слышны «причитания тощих чаек», и «голос вопленицы онежской», и «вороний карк», и «в напеве — высокая древность — и шелест, и скрежет и шелк», и «щелчок деревянный и гулкий». Тут «резок холодок озноба, когда заплачут кулики», а то вдруг вспомнится, как «журавлиным стоном оглашались дали» или как «зарянки... тоненькие тенькали»...

Сквозь эту «многоголосицу простора» поэт слышит саму жизнь — мудрую, мощную, беззащитную; многоголосье служит ему своеобразной моделью мира, потому что, как сказал когда-то Случевский:

В немолчном говоре природы,
Среди лугов, полей, лесов
Есть звуки рабства и свободы
В великом хоре голосов...

Ян Гольцман наделен строгим и непраздным пониманием природы, какое свойственно именно путнику, страннику, человеку, заслужившему своим образом жизни право обратиться к природе так: «твой работник и пленник».

В книге «Кочевье» есть пронзительные стихи о Грузии и стихи, написанные по мотивам древней грузинской поэзии. Однако мгновенное слияние внешнего впечатления с глубинным состоянием души происходит именно в стихах о русском Севере, здесь образуется сокровенное лирическое поле поэта.

Топи и острова. Поброди окрест,
И узнаешь один из ста —
Что бывает красная береста,
Что бывают гибельные места,
А других не бывает мест. —

путевой набросок на наших глазах перерастает в человеческую исповедь.

Трагическая нота отчетливо различима, казалось бы, негромких монологах Яна Гольцмана, который способен даже в скупом и сдержанном рисунке дать код времени:

«Напротив обкома партии встает, тяжело и строго, спаленный собор. Березка светит взамен креста» («Гомель»). Ощущая «эпоху массовой потравы, глобального лесоповала, отравы, рухнувшей на травы» (приближаясь к этой теме, голос Гольцмана становится напряженнее, резче, публицистичнее), поэт противостоит распаду и разрушению верой в трудную, но возможную гармонию. Тяга к изначальной, неискаженной красоте сквозит в самой завороченной детальности его набросков. Вот таежные цветы: «резные лапчатые листья, тугой малиновый бутон»... У Гольцмана мы видим не цветы вообще (как и не птиц вообще слышим), а непременно — саранки, жарки, подснежники... «Но фиолетовый кандык — всего красивей: еще летит метельный свист, когда из кочек встают его пятнистый лист и колокольчик». Заметим, что цветок с редким именем дан поэтом не в изящной статике, а в трудном преодолении — сквозь плотно противостоящую ему иную материю (близкий образ из другого стихотворения: среди тяжелых листов железа, в грохоте заводского цеха — несмотря ни на что восходит тоненький голос сверчка). Вообще если опять-таки следуя Чуковскому, вычленив еще одну бессознательную тему-образ у Гольцмана, то это будут разнообразные метафоры «близости взрыва», «грядущего восстания», исподволь зреющей ломки. Из этого инстинктивного ряда — излюбленные образы бутона ли, цветка ли под снегом, или подпочвенного ручья, чье «горло... глубоко уходит в темень» или ледника, теснящегося в скалах. «Как звенят над головою почки клена — зачехленные зеленые знамена!» Подобных метафор в книге — неслучайное множество, причиной чему и особенности чуть скованного поэтического темперамента, и сдерживаемая страсть, и, возможно, безвременье тех дней, когда создавалась книга «Кочевье», и наверняка иррациональное влияние Севера (а это основной энергетический источник, и материал, и фон стихов) на образность книги.

Татьяна Бек.

НАТАЛЬЯ КРЫМОВА. Любите ли вы театр? М. «Детская литература». 1987. 208 стр.

В новой книге Натальи Крымовой — старые имена. Герои ее прежних книг, статей, радио- и телепередач. Николай Симонов и Фаина Раневская. Вольдемар Пансо и Олег Ефремов, Верико Анджапаридзе и Игорь Ильинский, Татьяна Доронина и Иннокентий Смоктуновский, Микк Микивер и Сер-

гей Юрский... Вновь старый МХАТ и первые сезоны «Современника». Что это — самоповтор? Или преданность своей художественной вере, три десятилетия назад воспринятой от учителей-мхатовцев П. А. Маркова и М. О. Кнебель, а идущей еще от Станиславского и Немировича?.. Об основателях Художественного театра в книге совсем немного слов, но в них не пиетет перед великими, а радость единомышленника. «Они открыли не какой-то один, на все времена пригодный канон реалистического спектакля. Они открыли средство от заострения. Средство это заключается в подвижности, чуткости и точности театра по отношению к духу времени, настроениям людей, атмосфере эпохи, стилю автора». Эти простые, понятные критерии и помогли критику на протяжении десятилетий среди многообразия художественных явлений выбирать те, что поднимали театр на новую ступень правды, что и сегодня, спустя годы, не утратили своей ценности.

Это не значит, что новая книга лишь о победах. В ней много драматичного. И на страницах о МХАТе 50-х годов, где автор с болью анализирует омертвление театра. И в интервью, взятом у Олега Ефремова в переломный момент его жизни — момент перехода во МХАТ, когда скептиков было куда больше, чем единомышленников. И в портрете замечательного советского режиссера А. Д. Попова, оставшегося без театра в пору счастливого соединения профессиональной энергии и мудрости. Страницы о Попове, пожалуй, лучшие у Крымовой.

Творческий и бытовой облик художника, искусство и жизнь неразрывны в этой книге. Будь то описание торжественно-музейного Стратфорда, предваряющее рассказ о шекспировских спектаклях, или книжного магазина в Риге, своей интеллигентной обстановкой подчеркивающего фальшь сценического действия в театре напротив. Неполным было бы наше представление и о режиссуре В. Пансо, если бы рассказ о его «Комнатном театре» и «Гамлете» не соседствовал с воспоминанием о Пансо — студенте ГИТИСа или Пансо — интеллектуале и весельчаке.

Можно писать и о вязаных кофтах Попова, можно написать о Кторове: «С удивительным достоинством он шел по улице Горького — профиль лорда, старое пальто, в руке авоська с бутылками кефира» — и в этом не будет и тени амикошонства, ибо тут же нам поведают о редкой высоте духа. Автор настаивает: «Художник сам строит свою творческую жизнь. Он сам воспитывает себя как личность». Анатолий Петрович Кторов, звезда немого кино, затем в театре подолгу ожидавший роли и в конце жизни блистательно сыгравший Бернарда Шоу в спектакле «Милый лжец», — ярчайший тому пример.

И тут пора сообщить, что книга «Любите ли вы театр?» адресована «старшему школьному возрасту». То есть в конечном счете выполняет ту же просветительскую задачу, что и задуманный Крымовой радиоспектакль «Артисты на все времена» или ее учебные телепередачи о театре. Потому автор не просто фиксирует те или иные театральные события, но и объясняет, что такое профессия актера и режиссера.

почему время от времени требуется обновление сценического языка. О сложном она говорит просто, избегая театроведческой терминологии и сочетая увлеченность, восхищение, удивление с точностью анализа. Все это создает тот стиль, который делает написанное Натальей Крымовой интересным и профессионалам, и самым неискушенным зрителям и читателям.

Майя Карапетян.

ФРАНЦ ВЕРФЕЛЬ. Сорок дней Муса-дага. Роман. Перевод с немецкого. Ереван. «Советакан грох». 1988. 720 стр.

Франц Верфель принадлежит к так называемой пражской ветви австрийской литературы, представленной такими, например, именами, как Райнер Мария Рильке и Франц Кафка. Видный поэт и драматург-экспрессионист, Верфель оставил еще и обширное прозаическое наследие. Европейская и мировая слава Верфеля основана главным образом на трех его больших романах, созданных в последние годы жизни, — «Сорок дней Муса-дага» (1933), «Песнь о Бернадette» (1941) и «Звезда нерожденных» (1946).

Наиболее известен у нас роман «Сорок дней Муса-дага» — еще до выхода его отдельным изданием отрывки из романа печатал журнал «Литературная Армения». Писатель обратился к одному из драматичнейших эпизодов истории XX века — геноциду армян в Османской империи 1915—1916 годов. Сам Верфель не был очевидцем описанных им событий. Но в марте 1929 года, посетив в Дамаске ковровую фабрику, он был поражен видом сотен работавших на ней детей армянских беженцев, худых и голодных. Верфель решил рассказать европейскому читателю о трагедии армянского народа. Два года он терпеливо изучал исторические материалы, занимаясь в библиотеке венского отделения конгрегации мхитаристов.

Главный герой книги армянин Габриэл Багратян из своих тридцати пяти лет двадцать три прожил во Франции, женился на француженке и в Турцию приезжает против воли, чтобы уладить дела своего тяжело больного брата. Но начавшаяся первая мировая война задерживает его надолго около родной деревни. Ознакомившись с приказом турецких властей о насильственном переселении всех армян в пустынные районы страны, где не смогли жить даже кочевники, Багратян понимает, что его соотечественники обрекаются на верную смерть. Он решает сопротивляться, используя свое образование, свой опыт офицера турецкой армии. Пять тысяч армян с женщинами и детьми переходят на гору Муса-даг у побережья Средиземного моря и строят тщательно продуманную Багратяном систему укреплений. Удастся отбить и первую и вторую атаки регулярной турецкой армии. Сорокадневная осада и оборона, голод и эпидемия выявляют, проясняют многое в судьбе и Багратяна, и близких ему людей: жена-парижанка все больше тянется к за-